

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция
(код и наименование направления подготовки / специальности)

Уголовно-правовой
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Меры пресечения, не связанные с ограничением свободы»

Обучающийся

А.А. Протасов

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Ю.О. Мещерякова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность исследования мер пресечения, не связанных с ограничением свободы, обусловлена важными факторами. Во-первых, конституционные гарантии прав и свобод человека требуют постоянного совершенствования механизмов их реализации в уголовном процессе. Во-вторых, в условиях демократизации общества особую значимость приобретает расширение применения мер пресечения, минимально ограничивающих права граждан. Это особенно важно в контексте презумпции невиновности, когда лицо еще не признано виновным судом. Кроме того, до сих пор существуют проблемные аспекты правоприменительной практики: недостаточная разработанность нормативно-правовой базы; сложности в толковании процессуальных норм; боязнь судебных ошибок.

Объект исследования охватывает комплексную систему общественных отношений, возникающих в процессе реализации мер пресечения, не связанных с ограничением свободы, и включает в себя как процессуальные, так и социально-правовые аспекты их применения.

Предмет исследования – совокупность мер пресечения, исключаящих изоляцию от общества, правоприменительная практика.

Цель исследования – проанализировать меры пресечения, не связанные с ограничением свободы, выявить проблемы и недостатки в правоприменительной практике.

Задачи, поставленные в рамках исследования: анализ уголовно-процессуального законодательства, регулирующего применение мер пресечения, не связанных с ограничением свободы; выявление пробелов и противоречий в действующем законодательстве; определение понятия и сущности мер пресечения, не связанных с ограничением свободы.

Бакалаврская работа разделена на две главы, введение, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Теоретико-правовые основы мер пресечения в уголовном процессе..	6
1.1 Формирование системы мер пресечения в уголовном процессе России: исторический аспект.....	6
1.2 Меры пресечения в системе мер уголовно-процессуального принуждения: общая характеристика	11
Глава 2 Меры пресечения, не связанные с ограничением свободы: характеристика отдельных видов и проблемы применения	20
2.1 Подписка о невыезде и надлежащем поведении	20
2.2 Запрет определенных действий	25
2.3 Иные меры пресечения, не связанные с ограничением свободы...	31
Заключение	37
Список используемой литературы и используемых источников	39

Введение

Актуальность обусловлена необходимостью трансформации процессуальной системы в соответствии с требованиями современного общества к соразмерности применяемых мер пресечения, их эффективности и необходимости с точки зрения обеспечения соблюдения баланса интересов государства, общества и личности. Так, в целях снижения психологического воздействия и сохранения социальных связей подозреваемого суды в последнее время чаще применяют более «мягкие» меры пресечения (например, вместо домашнего ареста – запрет на осуществление определенных действий) [7]. Можно отметить и позитивное превентивное воздействие указанных мер. Так, исследования НИИ ФСИН показывают, что обвиняемые, к которым применялись меры вроде присмотра за несовершеннолетними, на 27% реже совершают повторные преступления [7]. Также, применительно к женщинам и несовершеннолетним, учитывая гендерный и возрастной аспекты, логичнее использовать меры пресечения, не связанные с ограничением свободы.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства, в рамках которых государство применяет меры пресечения для достижения целей уголовного судопроизводства.

Предмет исследования – совокупность мер пресечения, исключаящих изоляцию от общества, их правовая природа, критерии применения и эффективность в обеспечении целей уголовного процесса.

Цель исследования – проанализировать правовую природу мер пресечения, не связанных с ограничением свободы, их классификации выявить проблемы и недостатки в правоприменительной практике, связанные с применением данных мер.

Для достижения цели исследования были определены задачи:

- проследить генезис мер пресечения в уголовном процессе России;

- проанализировать нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующего применение мер пресечения, не связанных с ограничением свободы;
- выявить пробелы и противоречия в действующем законодательстве; определение понятия и сущности мер пресечения, не связанных с ограничением свободы;
- провести классификацию и сравнительный анализ мер пресечения, не связанных с ограничением свободы;
- изучить судебную практику по избранию и применению мер пресечения; определить сложности, возникающие при применении таких мер.

В бакалаврской работе для решения поставленных задач автором были применены: исторический, сравнительный, а также формально-юридический методы.

Теоретическую основу для написания бакалаврской работы составили научные публикации ученых в области уголовно-процессуального законодательства, в том числе диссертационные исследования и статьи в научных журналах. Можно выделить таких авторов, как: Я.Ю. Бурлакову, С.И. Вершинину, Д.Р. Исеева, В.М. Корнукова, Н.Г. Нарбикову, А.В. Орлова, Н.А. Симагину, А.В. Смирнова, Н.В. Ткачеву, Л.К. Трунову, Л.В. Фетищеву, И.Я. Фойницкого и другие.

Подробно проблемы применения отдельных мер пресечения в уголовном процессе исследовали такие авторы, как: О.В. Баландюк, Ф.К. Зиннуров, Ю.В. Царева, О.И. Цоколова, С.С. Чернова и другие.

Бакалаврская работа разделена на две главы, введение, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретико-правовые основы мер пресечения в уголовном процессе

1.1 Формирование системы мер пресечения в уголовном процессе России: исторический аспект

Необходимость использования принудительных мер в отношении подозреваемого в совершении преступления признавалась на протяжении всей истории уголовного процесса. Тем не менее, используя периодизацию, предлагаемую применительно к генезису уголовного судопроизводства И.Я. Фойницким [45], можно выделить определенные исторически значимые вехи и в отношении системы мер пресечения.

Впервые что-то похожее на меры пресекательного характера (не только в виде заключения под стражу) можно увидеть, начиная примерно с 13 века. Так, в отношении своих членов родовая община могла предоставить поручительство, что в дальнейшем трансформировалось в личное поручительство влиятельных граждан в отношении подозреваемого. Как верно отмечала Л.В. Фетищева: «...в это время появилось поручительство, которое нашло свое отражение в Двинской уставной грамоте Великого Московского князя Василия Дмитриевича 1398 г., Псковской судной грамоте 1467 г., Новгородской судебной грамоте 1471 г., Белозерской уставной грамоте 1488 г.; Судебнике 1497 г.» [44, с. 152]. В Судебнике 1497 г. четко определяется, что до завершения суда подозреваемый должен находиться в тюрьме, за это нес ответственность так называемый недельщик, который фактически отвечал за доведение дела до суда и за то, чтобы тать предстал перед судом: «...в обязанность недельщика входило также содержание татей под стражей до передачи их дела в суд. Находящихся под арестом татей запрещалось без обращения в вышестоящую инстанцию ни отдавать на поруки, ни продавати, т. е. выдавать истцу в холопы до отработки долга» [48, с. 128]. Отдача на поруки использовалась исключительно для доставки

подозреваемого в суд на основании приставных грамот, которые выдавались исключительно приставам.

Анализ текста Судебника 1550 года показал, что в отношении наиболее тяжких преступлений (убийство, грабеж и тому подобное) использовалось исключительно содержание под стражей, а в отношении менее тяжких – было разрешено ответчиков в частном порядке брать на поруки [32, с. 15], при этом поручитель нес ответственность за действия ответчика в полной мере: «И на нас на порутчиков иск весь сполна..., а пеня - что великий государь укажет» [14, с. 32].

По утверждению Л.В. Фетищевой «...в ту пору поручительство было двух видов: порука до суда и порука после суда, которые были прописаны в Судебнике 1550 г. В Книге Разбойного Приказа царя Иоанна IV с прибавлениями к ней постановлений царей Федора и Бориса переименовали поручительство, которое выглядело следующим образом: поруку к суду (статная порука) и порука суду, которые применялись как наказание» [44, с. 152].

Кроме того, можно было выделить и элементы иных мер пресечения, например, присмотра. Так, обвиняемого отдавали под присмотр отставных солдат, которые обязаны были наблюдать за ним постоянно [32, с. 16].

Поручительство в данный период времени могло быть с согласия и разрешения недельщика как на основании челобитной (частное поручительство) и на основании закона («отдача за пристава»). При этом последняя мера применялась в отсутствие частного поручительства на основании «приставной грамоты» и ее применял пристав до суда. Он уводил подозреваемого к себе домой и мог даже его заковать, так как с момента «отдачи за пристава» он отвечал за доведение подозреваемого до суда.

С принятием Судебника 1649 г. и далее уголовный процесс утрачивает элементы состязательности (частный аспект). В период правления Петра I основной мерой пресечения становится заключение под стражу, при этом поручительство в виде «отдачи за пристава» отменено.

Основы разграничения пресекательных и карательных мер были заложены в Наказе Екатерины II. По мнению Н.В. Ткачевой «в Наказе излагалась прогрессивная мысль о том, что меры пресечения и меры уголовного наказания имеют совершенно разные цели и что содержание обвиняемого под стражей до суда «как мера жесткая должна быть, сколь возможно, короче». Т.е. предполагалось, что мера пресечения – содержание под стражей – может быть заменена на более мягкую меру пресечения, например, взятие на поруки, т.е. меру пресечения, не связанную с заключением под стражу» [34, с. 74]. Также следует отметить, что помимо заключения под стражу в отношении знатных особ в эпоху Екатерины Великой и позднее практиковалось применение домашнего ареста в рамках текущего расследования, однако формального закрепления в нормативных актах того времени данная практика не нашла.

Анализируя все вышесказанное, следует указать, что до периода правления Екатерины Великой меры пресечения и меры наказания не отграничивались друг от друга и их цели совпадали (пресечение уклонения от следствия и наказание за преступление).

Впервые в России была предпринята попытка систематизации уголовных, в том числе и уголовно-процессуальных законов в 1832 году путем издания свода законов уголовных [31], которые включили в себя нормы как материального права (книга 1. О преступлениях и наказаниях вообще), так и процессуального права (Книга 2. О судопроизводстве по преступлениям). О введении новых норм речи практически и не шло, однако, здесь составители аккумулировали все действующие нормативные акты и обычаи правоприменения. В этом сводном документе был закреплен исчерпывающий перечень мер пресечения, определены основные условия и порядок их применения.

Окончательно институт мер пресечения обособляется от иных мер принудительного характера после реформ Александра II. Согласно Уставу

уголовного судопроизводства 1864 года [41] были закреплены «меры к пресечению способов уклоняться от суда»:

- подписка о явке или представление вида на жительство или поручительство (для лиц, обвиняемых в совершении проступка, за которое положено денежное взыскание или арест);
- поручительство или залог или личное задержание (для лиц, подозреваемых в преступном действии, за которое в законе положено заключение в тюрьме или наказание более строгое).

Кроме того, отдельно в Уставе уголовного судопроизводства закреплены меры пресекательного характера «для воспрепятствования обвиняемым уклоняться от следствия»: «1) отобрание вида на жительство или обяание их подпиской о явке к следствию и неотлучке с места жительства; 2) отдача под особый надзор полиции; 3) отдача на поруки; 4) взятие залога; 5) домашний арест и 6) взятие под стражу» (ст. 416 Устава). При этом достаточно четко и подробно законодатель дифференцировал применение мер пресечения в зависимости от тяжести совершенного деяния, а «также сила представляющихся против него улик, возможность скрыть следы преступления, состояние здоровья, пол, возраст и положение обвиняемого в обществе» (ст. 421 Устава). И хотя критерий сословности сохранился, можно утверждать, что формально Устав закрепил принцип равенства всех перед законом и судом.

Практически в неизменном виде данная система просуществовала до 1917 года, после которого можно говорить об определенном возвращении принципа сословности, но с новыми «нотками» - во главу угла ставилось пролетарское классовое чутье и возникали поощряемые властью перегибы в отношении классово чуждых элементов.

Наиболее запоминающимся нормативным актом советского периода выглядит Уголовный процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. Он «...упразднил меру пресечения в виде домашнего ареста и изменил поручительство. Так как в советское время возросло доверие и моральное влияние общественных

организаций на поступки людей, поручительство разделили на две части: личное поручительство и поручительство общественного объединения. Еще УПК РСФСР ввел такие меры пресечения, как наблюдение командования воинских частей за военнослужащими и отдача под присмотр несовершеннолетних. Однако отдача под присмотр несовершеннолетних, не была прописана как отдельная мера пресечения, о ней была только оговорка законодателя в статье 89 УПК РСФСР» [44, с. 154].

С принятием ныне действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [38] (далее по тексту – УПК РФ) стала формироваться новая система мер пресечения, которая достаточно сильно отличалась от существующей ранее. Во-первых, меры пресечения включили в общую систему принуждения. Во-вторых, формально закрепили такие меры пресечения, как домашний арест и присмотр за несовершеннолетним и отменили поручительство общественных объединений.

В 2009 году [43] в отношении предпринимателей как субъектов преступных деяний были внесены поправки в УПК относительно ограничения применения к ним такой меры пресечения, как заключение под стражу: «1.1. Заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159 частями второй - четвертой, 159.1 частями второй - четвертой, 159.2 частями второй - четвертой, 159.3 частями второй - четвертой, 159.5 частями второй - четвертой, 159.6 частями второй - четвертой, 160 частями второй - четвертой, 165 частью второй и 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, если эти преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией или в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной

экономической деятельности...» (ст. 108 УПК РФ). В 2018 году [42] в УПК РФ была добавлена новая мера пресечения – запрет определенных действий. При этом, по утверждению Н.А. Симагиной «...из имевшихся в арсенале мер пресечения в практической деятельности органов предварительного расследования на протяжении десятилетий применялись лишь подписка о невыезде и заключение под стражу (а по уголовным делам в отношении военнослужащих - еще и наблюдение командования воинской части) ...» [32, с. 27].

Таким образом, можно отметить, что меры пресечения использовались на протяжении столетий, однако их перечень был весьма небольшим. В частности, наиболее активно применялась такая мера, как заключение под стражу до суда, а также применялось поручительство, как частное (община, достойные граждане и т.п.), так и поручительство, которое также включало в себя элементы присмотра и наблюдения (поручительство приставов).

Институт мер пресечения постепенно обособился от мер наказания и в дальнейшем законодателем был включен в систему мер принуждения в целом.

1.2 Меры пресечения в системе мер уголовно-процессуального принуждения: общая характеристика

УПК РФ 2002 года впервые обособил структурно все меры принудительного характера, которые могут быть применены к подозреваемому, обвиняемому (в ходе осуществления уголовного судопроизводства на всех его стадиях), что позволило утверждать, что концептуально меры пресечения относятся по родовому признаку к системе мер принуждения в целом. Таким образом, логично предположить, что меры пресечения обладают схожими (общими) признаками, которые присущи всем мерам принудительного характера и особыми (специфическими) свойствами, присущими исключительно мерам пресечения.

Раздел IV УПК РФ включает в себя совокупность различных мер процессуального принуждения, которые разрешено применять уполномоченным лицам в целях достижения конечного результата уголовного процесса. Среди указанных мер законодатель особо выделил задержание подозреваемого (гл.12 УПК РФ); меры пресечения (гл. 13 УПК РФ), а также иные меры процессуального принуждения (гл.14 УПК РФ). При этом критерии, по которым было проведено такое разграничение остаются не совсем понятными, поскольку может совпадать субъектный состав (но может и отличаться в большую сторону – гл.14); решение о применении мер пресечения может выносить тот или иной уполномоченный орган и тому подобное. Общим для всех мер, включенных в Раздел IV УПК РФ, выступает термин «процессуальное принуждение». Мы не останавливаемся подробно на определении сущности последнего, но в качестве родового понятия будем опираться на предложенное Н.Г. Нарбиковой, которая под государственным принуждением понимает «...воздействие уполномоченных на то нормами права государственных органов и должностных лиц в строгом соответствии с установленной процедурой и в порядке, закрепленном в законе на соответствующее лицо, не выполняющее либо выполняющее ненадлежащим образом возложенные на него права и обязанности в целях удовлетворения интересов общества и государства в целом» [21, с. 22]. Если исходить из данного определения, то применительно к уголовному процессу любое волевое воздействие в рамках уголовного судопроизводства в отношении участников процесса со стороны уполномоченного лица можно отнести к мерам принудительного характера. Более того, добровольное подчинение законным требованиям в рамках уголовного процесса не устраняет их принудительного характера – «эти действия носят объективно-ограничительный характер» [17, с. 43]. Можно согласиться с мнением Д.Р. Исеева, который считает, что «если мера затрагивает правовой статус гражданина, то она должна считаться принуждением независимо от

отношения к ней субъекта, к которому она применяется, оснований и целей ее использования» [11, с. 15].

Можно согласиться с утверждением Н.Г. Нарбиковой, которая определила меры уголовно-процессуального принуждения как «...средства воздействия уполномоченных на то законом государственных органов и должностных лиц на участников уголовного судопроизводства в установленной форме путем ограничения конституционных прав и свобод в строгом соответствии с порядком и на основаниях, закрепленных в уголовно-процессуальном законе, законность и обоснованность которого гарантируется судебным контролем и комплексом уголовно-процессуальных гарантий» [21, с. 35].

Уголовно-процессуальное принуждение следует отграничивать от более общего понятия «процессуальное принуждение», поскольку последнее предполагает управление поведением субъекта независимо от его процессуального статуса.

Поскольку применение любых мер принудительного характера всегда ущемляет личные права и свободы (в той или иной мере), то здесь необходимо выбрать «золотую середину» - обеспечить соблюдение интересов общества, государства и личности. Подобный баланс интересов закреплен в ряде международных актов. Так, например, в Конвенции 1950 года в ст. 18 указано: «...никто не может быть лишен права на свободу, иначе, чем в ситуациях, предусмотренных законом» [15]. С учетом того, что Россия ратифицировала данную Конвенцию, важное значение для применения мер уголовно-процессуального принуждения приобретают нормы Конституции РФ, где указанное ранее положение из текста Конвенции конкретизировано следующим образом: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (п. 3 ст. 55) [16]. Любое уголовно-процессуальное

принуждение допускается исключительно в том объеме, который необходим для успешного осуществления уголовного процесса и в той мере, которая позволяет учесть интересы государства, общества и личности.

Важнейшее место среди мер уголовно-процессуального принуждения занимают меры пресечения, которые законодатель закрепил в ст. 98 УПК РФ, при этом не уточняя их общего понятия. Хотя подобная практика представляет собой скорее исключение из правил, нежели норму. Так, в большинстве стран, которые ранее входили в состав СССР, подобное определение содержится (например, в уголовно-процессуальном законодательстве Белоруссии, Молдавии, Киргизии, Таджикистана и т.п.). Кроме того, в законодательстве многих стран для формализации данного понятия применяется «атрибутивный подход», когда очень подробно перечисляются признаки и особенности, а также конкретные меры пресечения. Например, в УПК Франции пресекательные меры в рамках судебного контроля раскрываются через 18 пунктов, где перечисляются все обязательства, которые до суда обязан соблюдать обвиняемый в совершении преступления (ст. 138 УПК Франции).

М.С. Строгович предлагал свое определение мер пресечения – «Мерами пресечения называются те установленные законом принудительные меры, которые ограничивают свободу обвиняемого в целях предотвращения для обвиняемого возможности: скрыться от дознания, предварительного следствия и суда; воспрепятствовать установлению истины по делу; продолжать совершение преступлений. Меры пресечения также могут быть избраны в целях обеспечения исполнения приговора...» [33, с. 273]. При этом автор, отделял меры, которые оказывали иное воздействие (материальное, моральное) – залог, присмотр и т.п. Поэтому нам наиболее близко определение, которое предлагает Л.К. Трунова: «...под мерами уголовно-процессуального пресечения понимаются предусмотренные законодательством процессуальные средства принудительного характера, применяемые в сфере уголовного судопроизводства уполномоченными на то должностными лицами и государственными органами при наличии оснований

и в порядке, установленном законом, в отношении обвиняемых и подозреваемых для предупреждения и пресечения правонарушений этих лиц в целях успешного расследования и разрешения уголовного дела и выполнения иных задач уголовного судопроизводства» [36, с. 112].

В качестве отличительной черты для всех мер уголовно-процессуального принуждения можно обозначить круг лиц, которые уполномочены их назначать. Решение о применении такой меры как задержание вправе принять орган дознания, дознаватель, следователь. Кроме того, в отдельных случаях (направление ходатайства о задержании в суд) требуется дополнительно согласование руководителя следственного органа, прокурора. Меры процессуального пресечения, предусмотренные непосредственно гл. 13 УПК РФ в установленных законом случаях вправе определять дознаватель, следователь или суд. Иные меры процессуального принуждения (гл. 14 УПК РФ) вправе применять только следователь и суд. Круг уполномоченных лиц зависит от стадии уголовного судопроизводства и «жесткости» налагаемой меры.

Проанализируем цели применения различных мер уголовно-процессуального принуждения. Поскольку в УПК РФ отсутствует прямое указание на цели применения той или иной разновидности мер уголовно-процессуального принуждения, то попробуем определить их самостоятельно. Во-первых, можно выделить общий аспект воздействия, присущий всем указанным мерам судя по названию – конечная цель применения находится в процессуальной плоскости (в рамках реализации уголовного процесса), то есть все эти меры «...призваны обеспечить нормальное осуществление уголовно-процессуальной деятельности, надлежащее выполнение задач уголовного судопроизводства» [17, с. 19]. Во-вторых, цели применения в зависимости от их разновидности конкретизируются и частично различаются. Так следует указать на особое положение такой принудительной меры, как задержание (гл. 12 УПК РФ), которое связано с тем, что обладает двойственной правовой природой. С одной стороны, ему присущи признаки, свойственные

следственным действиям (посредством задержания «по горячим следам» фиксируют доказательства). С другой – это мера принуждения, применяемая в исключительных случаях для того, чтобы подозреваемый не мог скрыться от правосудия или уничтожить доказательства, то есть здесь присутствует цель надлежащего осуществления уголовного судопроизводства. Исключительность данной меры в том числе подтверждается и необходимостью в определенных случаях согласования ее с руководителем следственного органа, получением санкции прокурора и т.п. Думается, что отсутствие формального закрепления цели задержания в УПК РФ представляет собой пробел, который необходимо в дальнейшем закрыть.

В ст. 97 УПК РФ закреплены основания для применения мер пресечения:

- «1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Мера пресечения может избираться также для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица».

Таким образом, можно утверждать, что помимо непосредственно пресечения преступного деяния, можно выделить цели превенции (недопущения совершения новых преступных деяний), а также в целях исполнения приговора по делу. Чтобы оценить, какой аспект наиболее значим в практической деятельности, приведем результаты социологического опроса, проведенного С.И. Вершининой, согласно которому только треть опрошенных указала на превентивные цели применения мер пресечения, остальные – на цель пресечения [8, с. 281]. Мы также согласны с ее определением общей цели применения мер пресечения: «...целью применения мер пресечения следует считать обеспечение надлежащего поведения обвиняемого, подозреваемого в производстве по уголовному делу. Эта цель, в силу своей универсальности, носит общий для всего института характер. Она не допускает наступления

обстоятельств, как перечисленных в части 1 ст. 97 УПК РФ, так и других, не имеющих правового закрепления, но способных возникнуть при ненадлежащем поведении обвиняемого, подозреваемого» [8, с. 285]. При этом автор особо выделяет специфический характер цели применения мер пресечения на стадии исполнения приговора отмечая, что «...цель применения принудительного воздействия в таких случаях – прекращение противоправного поведения осужденного и создание условий для исполнения вступившего в силу приговора» [8, с. 288].

Для иных мер уголовно-процессуального принуждения, закрепленных в гл. 14, законодатель формально закрепил цель их применения – «в целях обеспечения установленного настоящим Кодексом порядка уголовного судопроизводства, надлежащего исполнения приговора...».

Следует согласиться с мнением А.В. Смирнова, который отметил: «Меры пресечения применяются со строго определенными целями - пресечь возможные процессуальные нарушения со стороны обвиняемого: а) его сокрытие от органов, ведущих производство; б) продолжение им преступной деятельности; в) воспрепятствование с его стороны установлению обстоятельств дела; г) обеспечение исполнения приговора, в том числе за пределами Российской Федерации (ст. 97 УПК РФ)» [39, с. 306].

Разграничение мер пресечения и мер ответственности можно провести по целям наказания и мер пресечения. Уголовному наказанию присущ в полном мере карательный аспект, тогда как для мер пресечения свойственны пресекательная и превентивная цели. Также различаются процессуальное назначение мер пресечения и мер наказания.

Несмотря на кардинальное различие между мерами пресечения и наказания нельзя не отметить их связь: «мера пресечения должна всегда соразмеряться с тем наказанием, которое может быть применено к обвиняемому согласно статье Уголовного кодекса РФ, по которому квалифицируется инкриминируемое обвиняемому преступление. Этим преследуется цель избежать применения к обвиняемому в процессе

расследования и разбирательства дел таких мер пресечения, которые были бы тяжелее, чем то наказание, к которому обвиняемого может приговорить суд» [34, с. 74].

Законодатель обособил меры пресечения в уголовном процессе, закрепив их исчерпывающий перечень в ст. 98 УПК РФ: «1) подписка о невыезде; 2) личное поручительство; 3) наблюдение командования воинской части; 4) присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; 4.1) запрет определенных действий; 5) залог; 6) домашний арест; 7) заключение под стражу». И здесь сразу бросаются в глаза различия в правовой сущности некоторых мер пресечения, поэтому для лучшего уяснения рассмотрим некоторые классификации, предлагаемые учеными, поскольку «...классификация необходима для более углубленного изучения мер уголовного-процессуального пресечения, правильного подхода к их применению надлежащим органом, надлежащим оформлением избрания, продления и отмены в уголовном судопроизводстве» [35, с. 70].

Отметим, что классификаций в научной литературе предлагается значительное количество. В качестве определяющего критерия указывают: степень ограничения прав; субъектный состав применения; сроки действия; порядок применения; цели применения и т.п. Так, некоторые ученые предлагают разграничить меры пресечения в зависимости от степени ограничения личных прав и свобод [6, с. 36]., в зависимости от субъекта применения мер [21, с. 47].

Определенный интерес вызывает классификация на психолого-принудительные, физико-принудительные, смешанного воздействия [39, с. 253].

Отметим, что определенные вопросы возникают к такому разграничению в целом, так как психологический аспект (любое дееспособное лицо в состоянии оценить негативность этих мер и соответственно их воспринимать) можно выявить в отношении любой меры пресечения, и

фактически здесь проявляется все тот же критерий степени ограничения личной свободы.

Для целей нашего исследования основной критерий разделения – степень ограничений, налагаемых на лицо, подозреваемое или обвиняемое в преступном деянии. Во-первых, меры пресечения, связанные с лишением свободы и ее ограничением (заключение под стражу, домашний арест), и, во-вторых, меры пресечения, не связанные с ограничением свободы. При этом, здесь речь идет об ограничении физической свободы, а не свободы перемещения, например.

Отметим кратко выводы по первой главе.

Исследование системы мер пресечения в историческом аспекте позволяет утверждать, что меры пресечения применялись на протяжении столетий (активно – начиная с 13 века), однако их перечень был весьма небольшим. В частности, наиболее активно применялась такая мера, как заключение под стражу до суда, а также поручительство, как частное (община, достойные граждане и т.п.), так и поручительство в силу закона, которое включало в себя элементы присмотра и наблюдения (поручительство приставов).

Институт мер пресечения постепенно обособился от мер наказания и в дальнейшем законодателем был включен в систему мер принуждения в целом.

Отсутствие формального закрепления цели задержания в УПК РФ представляет собой пробел, который необходимо в дальнейшем закрыть.

Глава 2 Меры пресечения, не связанные с ограничением свободы: характеристика отдельных видов и проблемы применения

2.1 Подписка о невыезде и надлежащем поведении

Подписка о невыезде и надлежащем поведении состоит в письменном обязательстве подозреваемого или обвиняемого: не покидать место жительства или место пребывания без разрешения дознавателя, следователя или суда; в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд; иным путем не препятствовать производству по уголовному делу (ст. 102 УПК РФ).

Отметим, что данная мера наиболее мягкая и наиболее распространенная. Так, А.В. Орлов отмечал, что «...в среднем к 100 обвиняемым по уголовным делам, находившимся в производстве следователей следственных подразделений СУ при УВД по Хабаровскому краю, подписка о невыезде и надлежащем поведении избирается в отношении 80 человек, в отношении 20 избирается заключение под стражу. Избрание других мер пресечения носит единичный характер» [25, с. 86]. Н.А. Симагина также в своей работе писала: «на практике это наиболее часто встречающаяся мера процессуального принуждения. Как подтвердили 32,3 % опрошенных нами практических работников, данная мера пресечения занимает второе место после такой меры пресечения, как заключение под стражу, которая избирается 40,5 % опрошенными. Однако выбор правоприменителя скорее связан с простым механизмом ее избрания, нежели с эффективностью рассматриваемой меры пресечения» [32, с. 70]. Лицо, находящееся под подпиской о невыезде, даже может покидать место жительства или пребывания при условии получения разрешения лица, отобравшего у него подписку. УПК РФ не закрепил порядок получения подобного разрешения, но «отказ ... должен обязательно иметь письменную форму. Это необходимо,

прежде всего, для того чтобы обеспечить обвиняемому (подозреваемому) возможность реализовать свое право на обжалование отказа» [10, с. 56].

Тем не менее, по утверждению О.И. Цоколовой «...граждане достаточно серьезно относятся к подписке о невыезде... наибольшие ограничения, по их мнению, создает запрет покидать место постоянного проживания, так как поездки ... занимают значительное место в жизни современного человека» [47, с. 27].

Анализ положений ст. 97 УПК РФ позволяет нам сделать вывод о том, что для применения всех мер пресечения, закрепленных в ст. 98 УПК РФ, необходимо выявление наличия оснований: «... полагать, что обвиняемый, подозреваемый: 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда; 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью; 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу».

Важно отметить, что теоретически подписка о невыезде и надлежащем поведении может быть применена в рамках уголовного дела в отношении любого преступления. Однако, анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что подписка о невыезде и надлежащем поведении для избрания требует также обоснования: «При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и определения ее вида при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, должны учитываться также тяжесть преступления, его совершение с применением насилия либо с угрозой его применения, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства». Например, речь идет о матери-одиночке с двумя маленькими детьми, а также обстоятельства дела указывают на то, что данной меры пресечения достаточно; отсутствуют подтверждающие сведения о том, лицо намерено препятствовать расследованию, в том числе скрыться от следствия.

Также именно подписку о невыезде обычно применяют в случае соглашения со следствием даже по тяжким преступлениям.

Тем не менее, решение о применении подписки также должно быть обосновано в соответствии со ст. 97 УПК РФ, однако на практике «применение подписки о невыезде никак не обосновывается дознавателем или следователем, либо обоснование не соответствует законодательным установлениям» [32, с. 74].

Данное утверждение подтверждается анализом судебной практики, из которой видно, что подписка о невыезде применяется, если, например: «Он совершил преступления небольшой тяжести, имеет постоянное место жительства в <адрес>, по всем преступлениям им написана явка с повинной, он являлся в орган дознания по первому требованию, жалоб от соседей нет, проживает с матерью, бабушкой и двумя младшими братьями, стоит на учете у врача-психиатра с декабря 2023 года с диагнозом «шизофрения», работает неофициально, готов возместить ущерб...» [3]. Именно по указанным основаниям в данном случае была применена подписка о невыезде, хотя здесь налицо не соответствие по содержанию требованиям, указанным в ст. 97 УПК РФ. Отметим, что перечисленные характеристики относятся по своему смыслу к положениям ст. 99 УПК, то есть должны быть учтены при выборе меры пресечения, но самостоятельно в качестве основания не могут быть приняты. «Следователь самостоятельно принимает решение об избрании меры пресечения, направляя копию соответствующего постановления лицу, в отношении которого оно вынесено, а также его защитнику или законному представителю по их просьбе, одновременно разъясняя порядок обжалования этого решения» [23]. Отметим также, что анализ обстоятельств дела для выявления оснований для выбора меры пресечения носит часто субъективный характер, поскольку зависит от усмотрения уполномоченного лица, поэтому на практике вопросы о целесообразности назначения той или иной меры пресечения возникают достаточно часто. Хотя в отношении подписки о невыезде споров практически нет, поскольку, как ранее говорилось, - это

наиболее мягкая мера пресечения. Тем не менее, можно привести пример из адвокатской практики, когда защитник в порядке апелляции добился от суда решения о том, что постановление следователя об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении в рамках уголовного дела было отменено в виду отсутствия в нем должного обоснования. Суд апелляционной инстанции подчеркнул: «...что решение об избрании меры пресечения, в том числе подписки о невыезде, может быть принято при наличии хотя бы одного из указанных в ст. 97 УПК оснований, в силу положений ч. 1 ст. 101 УПК это основание и его оценка должны содержаться и в постановлении следователя» [20].

Поскольку непосредственно подписка предполагает принятие подозреваемым (обвиняемым) на себя обязательств, то здесь требуется согласие последнего. Это согласие и представляет собой особый документ – подписку, в которой непосредственно и перечисляются обязательства, которые на себя берет подозреваемый (обвиняемый) [28]. Необходимость согласия на применение данной меры пресечения подтверждает и судебная практика. Так, Конституционный Суд РФ определил: «...без отображения у лица, в отношении которого принято решение об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, соответствующего письменного обязательства эта мера не может считаться примененной и влекущей правовые последствия для подозреваемого или обвиняемого» [24]. При этом «...отказ подозреваемого, обвиняемого дать подписку о невыезде и надлежащем поведении - как свидетельствующий о том, что в рамках применения данной меры пресечения не могут быть достигнуты ее цели, - может повлечь избрание другой, в том числе более строгой, меры пресечения» [24]. Интересный пример по поводу применения подписки как меры пресечения и ее эффективности из практики приводит в своей статье Н.В. Кривошеков, когда в силу отказа суда избрать меру пресечения в виде заключения под стражу, в отношении обвиняемого была избрана подписка о невыезде, которую обвиняемый отказался подписывать и уехал из города,

препятствуя таким образом скорейшему разрешению уголовного дела [18, с. 136]. В дальнейшем суд при повторном направлении ходатайства уже удовлетворил ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и предварительное следствие было успешно завершено. Но здесь хотя бы все закончилось относительно удачно – всего лишь удлинились сроки предварительного следствия по уголовному делу. Однако, часто на практике отказ подписать соответствующие документы со стороны подозреваемого (обвиняемого) заканчивается тем, что приходится приостанавливать уголовные дела по причине того, что подозреваемый или обвиняемый просто скрылся от следствия.

Срок, на который может быть избрана подписка о невыезде и надлежащем поведении, в УПК не регламентирован. Как правило, подписка действует как на стадии предварительного следствия, так и на стадии судебного разбирательства. Если, конечно, она не была отменена лицом, ее избравшим, либо заменена на более жесткую или более мягкую меру пресечения. Основания для отмены либо замены закреплены в ст. 110 УПК РФ:

- исчезновение оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ;
- прекращение уголовного преследования;
- появление обстоятельств, повлекших замену меры пресечения.

Отметим, что подписка о невыезде и надлежащем поведении применяется очень часто как в силу простоты процедуры (постановлением следователя или иного уполномоченного лица), так и в том числе и по причине невозможности применения иных ограничительных мер, более жестких (например, ограничение свободы невозможно по состоянию здоровья), но конструктивная модель ее реализации обладает большим недостатком по сравнению с более жесткими мерами пресечения – в процедуру избрания указанной меры пресечения фактически включили согласие лица (подписание бланка подписки), в отношении которого выбрана мера пресечения. Справедливо по этому поводу высказался В.Н. Кривошеков: «Абсурдность

такого конструкта очевидна. В анализируемой ситуации частного интереса лица, в отношении которого ведется уголовный процесс и избирается мера пресечения, противопоставляется публичному характеру мер пресечения, направленному на решение задач производства по уголовному делу и сопряженному с ограничениями прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого). Причем налицо явный приоритет частного начала, когда мнение невластного участника уголовного процесса нивелирует решение следователя, дознавателя об избрании меры пресечения» [18, с. 137].

2.2 Запрет определенных действий

В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации произошло существенное нововведение, закреплённое Федеральным законом № 72-ФЗ от 18 апреля 2018 года, которое существенно расширило арсенал мер процессуального принуждения. Как справедливо отмечает А.В. Квык, запрет определённых действий как самостоятельная мера пресечения не имела аналогов ни в советском правовом поле, ни в современном российском законодательстве, а также не была предусмотрена правовыми системами постсоветских государств [13, с. 34].

При этом анализ зарубежного опыта демонстрирует широкое применение аналогичных мер процессуального принуждения в различных юрисдикциях. Особенно показателен опыт Швейцарии, где система запретов определённых действий выступает легитимной альтернативой заключению под стражу, представляя собой более гуманную форму процессуального принуждения. Согласно статье 237 Уголовно-процессуального кодекса Швейцарии, в целях обеспечения эффективного расследования и общественной безопасности допускается применение запрета на контакты с конкретными лицами в качестве альтернативы как досудебному, так и судебному заключению [9, с. 15].

Анализ нормативно-правовой базы государств, придерживающихся англо-саксонской системы права, позволяет утверждать, что применение запрета определенных действий в ряде стран имеет признаки уголовного наказания, а не меры пресечения. Так, примером служит практика британских судов, где в качестве меры воздействия на правонарушителей применяются специфические ограничения, по своей правовой природе близкие к мерам пресечения. Так, в одном из судебных решений было установлено ограничение для лица, преступившего закон, в виде запрета на приближение к женщинам в общественных местах на протяжении пятилетнего периода. Данное ограничение было введено в связи с систематическим совершением противоправных действий в городском парке.

Аналогичные правовые механизмы закреплены в уголовном законодательстве Королевства Испания, где предусмотрена возможность установления особых ограничений для осуждённых. В частности, суд вправе вынести решение о запрете пребывания лица на территории, где было совершено преступление, либо в месте проживания потерпевшего. Данная мера направлена на обеспечение безопасности жертв преступления и предотвращение рецидива противоправного поведения.

Следует отметить, что запрет определенных действий частично «перекликается» с иными мерами пресечения: подпиской о невыезде и надлежащем поведении; личное поручительство, наблюдение командования воинской части и присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым, поскольку согласно ч. 1 ст. 105.1 УПК РФ: «Запрет определенных действий в качестве меры пресечения ... заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд ...». Таким образом, запрет как мера пресечения характеризуется общей для указанных мер пресечения обязанностью, а также непосредственно запретами, которые могут налагаться дополнительно на подозреваемого или обвиняемого.

Различие здесь добавляют именно ограничения, которые законодатель закрепил в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ:

- выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;
- находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
- общаться с определенными лицами;
- отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»;
- управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Можно согласиться с утверждением И.Н. Медведевой, которая отметила: «Часть запретов, а именно – запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, общаться с определенными лицами, отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, характеризующие нынешнюю меру пресечения в виде запрета определенных действий, ранее характеризовали домашний арест» [19, с. 129].

Согласно мнению законодателя, запрет определенных действий может быть применен исключительно в силу невозможности применения более мягких мер пресечения. Кроме того, в отношении названной меры пресечения также действуют нормы ст. 97 и 99 УПК РФ, касающиеся обоснованности выбора меры пресечения. Можно утверждать, что по степени жесткости запрет на совершение определенных действий занимает промежуточное место между самыми жесткими мерами (предполагающими ограничение и лишение свободы) – домашний арест, заключение под стражу – и всеми остальными,

которые не связаны непосредственно с ограничением свободы (подписка о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство; наблюдение командования воинской части; присмотр за несовершеннолетним обвиняемым). Данной позиции придерживаются и суды. Так, например, в рамках апелляции Мурманский областной суд отменил решение суда первой инстанции о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, указав на то, что достижение целей судопроизводства возможно посредством применения более мягкой меры пресечения – запрета на осуществление определенных действий. При этом защите было отказано в избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, считая, что данная мера в полной мере не сможет обеспечить производство по уголовному делу. Учитывая, что *Z.* 14 сентября 2018 года предъявлено обвинение в совершении 8 тяжких преступлений, вывод суда о том, что на данной стадии предварительного следствия он может продолжать заниматься преступной деятельностью, скрыться от предварительного следствия, то есть имеются предусмотренные статьей 97 УПК РФ основания для избрания меры пресечения, является правильным. ... Однако, суд первой инстанции, удовлетворяя ходатайство следователя в нарушение ст. 7 УПК РФ не мотивировал невозможность применения к *Z.* иной, более мягкой, меры пресечения. Кроме того, суд не учел обстоятельства, которые могли существенно повлиять на выводы суда, а именно, что *Z.* ранее не судим, имеет несовершеннолетнего сына, официально зарегистрирован по месту жительства на территории Российской Федерации, получает пенсию, ООО «Э.», директором которой является обвиняемый, в настоящее время фактически не осуществляет деятельность, несмотря на возбуждение 27.02.2018 в отношении *Z.* уголовного дела никакая мера пресечения в отношении него не избиралась, следственные действия с ним не проводились, сведения об адресе, на который направлялась повестка о явке *Z.* к следователю 2 апреля 2018 года для допроса в качестве подозреваемого носят противоречивый характер» [2]. По мнению апелляционной инстанции,

«...цели предупреждения уклонения обвиняемого от предварительного следствия, обеспечения его правопослушного поведения, нормального хода уголовного судопроизводства, могут быть достигнуты путём применения к Z.. более мягкой меры пресечения, чем заключение под стражу - в виде запрета определенных действий, с возложением на него обязанности самостоятельно и своевременно являться по вызовам следователя и суда и запретов, указанных в пп.1, 3, 4, 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ... Вопреки доводам обвиняемого в настоящее время мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении не сможет обеспечить достижение целей и задач уголовного судопроизводства, вследствие чего ходатайство стороны защиты об изменении обвиняемого меры пресечения на подписку о невыезде и надлежащем поведении удовлетворению не подлежит» [2].

Отметим, что по решению суда может быть наложен как один запрет, так и несколько в совокупности. Сроки действия запретов определенных действий обусловлены продолжительностью непосредственно уголовного судопроизводства, а также зависят от тяжести совершенного деяния: о преступлениях небольшой и средней тяжести - 12 месяцев; о тяжких преступлениях - 24 месяца; об особо тяжких преступлениях - 36 месяцев (п. 10 ст. 105.1 УПК РФ).

Значительные вопросы вызывает установление запрета – «выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях». Так как понятие «определенный период времени» законодатель не раскрывает, то судебная практика показала, что грань между домашним арестом (более жесткой мерой) и запретом на определенные действия размывается.

Так, например, в упомянутом выше решении Мурманского областного суда по делу Z. был установлен запрет: «выходить за пределы жилого помещения, в котором он будет проживать, а именно из квартиры, расположенной по адресу: ..., без разрешения лица, в производстве которого

находится уголовное дело, и контролирующего органа, за исключением ежедневной прогулки продолжительностью не более 2 часов в период с 13.00 до 15.00 час., посещения учреждений здравоохранения для получения медицинской помощи при наличии соответствующих показаний, по согласованию со следователем и контролирующим органом...». Практически одновременно в соседней области апелляционная инстанция в отношении обвиняемого применил меру пресечения в виде домашнего ареста, указав следующее: «Избрать в отношении А. меру пресечения в виде домашнего ареста, заключающегося в нахождении его в изоляции от общества в жилом помещении по адресу: <адрес изъят>, <адрес изъят><адрес изъят>, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля на срок два месяца, то есть по 2 ноября 2018 года. ... Разрешить А. покидать жилое помещение для прогулки с 12 до 14 часов ежедневно» [1].

Именно наличие последнего разрешения позволяет утверждать фактически о тождестве двух мер пресечения при наличии обозначенных условий. «По сути, судами не было нарушено уголовнопроцессуальное законодательство, нормы ст. 105.1 УПК РФ предусматривают запрет выходить из жилого помещения, при этом ни минимальное, ни максимальное время разрешенного выхода из жилого помещения не определено. Законодатель тем самым предоставил должностным лицам устанавливать сроки самостоятельно...» [9, с. 15].

Однако отметим, что такие ситуации встречаются все реже. Период ограничения свободы передвижения в рамках запрета определенных действий обычно устанавливают в значительно меньшем размере.

Например, в постановлении Зюзинского районного суда г. Москвы в отношении подозреваемой Б. установил запрет выходить за пределы жилого помещения в период с 22 часов 00 минут по 09 часов 00 минут [26].

2.3 Иные меры пресечения, не связанные с ограничением свободы

Помимо рассмотренных ранее мер пресечения, не связанных с ограничением свободы, - подписка о невыезде и надлежащем поведении, запрет определенных действий (кроме п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ), - в ст. 98 УПК РФ указаны также: личное поручительство; залог; на также наблюдение командования воинской части и присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым.

Объединение этих мер пресечения в рамках одного параграфа обусловлено тем, что, во-первых, все эти меры включают в себя общий элемент – обеспечение выполнения обязанности явиться по требованию уполномоченного лица (дознавателя, следователя, судьи) в назначенное время; во-вторых, все эти меры предусматривают участие третьих лиц (исключение – когда сам подозреваемый или обвиняемый вносит, например, залог); и, в-третьих, все указанные меры пресечения весьма специфичны. Так, личное поручительство и залог как меры пресечения практически не используются на практике. Адвокат Д. Олешко на своем сайте написал: «О личном поручительстве мне приходилось только иногда слышать. Более чем за 10 лет адвокатской практики ни разу лично не встречал, чтобы применялось личное поручительство» [30]. В 2024 год залог применялся только в качестве замены более мягкой меры пресечения в качестве замены 6 раз (!) [29].

Личное поручительство как мера пресечения регламентируется в ч. 1 ст. 103 УПК РФ: «Личное поручительство состоит в письменном обязательстве заслуживающего доверия лица о том, что оно ручается за выполнение подозреваемым или обвиняемым обязательств, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 102 настоящего Кодекса». Таким образом, из данного определения можно сделать ряд выводов. Во-первых, личность поручителя и подозреваемого (обвиняемого) не совпадают между собой. Во-вторых, личность поручителя должна «заслуживать доверия». В-третьих, суть

обязательств, за выполнение которых ручается третье лицо, сводится к условиям подписки о невыезде (в части надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого).

Личность поручителя должна удовлетворять определенным требованиям, которые имеют значение для всех участников избрания данной меры пресечения. «Думается, что к числу таковых следует отнести: отсутствие судимости; отсутствие пагубных пристрастий (алкоголизм, наркомания, токсикомания и так далее); наличие руководящей должности или занятие общественной, а равно иной социально-одобряемой деятельностью; наличие почетных званий, государственных наград, или общественных поощрений и так далее» [4, с. 242]. А также должна присутствовать определенная связь между поручителем и лицом, за которое он ручается, в том числе: «...нахождение в родственной или иной социальной связи с подозреваемым (обвиняемым) – например, поручитель может быть его отцом, дядей, тестем, другом семьи и т.д.; нахождение в руководящем положении, относительно подозреваемого (обвиняемого), основанном на трудовых или иных, построенных на авторитете отношениях – в частности, поручитель может быть работодателем подозреваемого (обвиняемого), или руководителем подразделения, котором тот работает; поручитель может быть преподавателем высшего учебного заведения, в котором обучается лицо, к которому применяется рассматриваемая мера пресечения и так далее» [4, с. 243].

Следует отметить, что в качестве одной из причин редкого применения личного поручительства на практике можно также назвать и необходимость получения согласия от третьего лица на личное поручительство, тем более что за нарушение обязательств подозреваемым (обвиняемым) поручитель несет юридическую ответственность в виде денежного взыскания до 10 тысяч рублей.

Залог как мера пресечения предполагает согласно ст. 106 УПК РФ внесение недвижимого имущества и движимого имущества в виде денег,

ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций.

Залог – это единственная из мер пресечения, предусмотренных гл. 13 УПК РФ, которая носит имущественный характер. Избрание меры пресечения в виде залога позволяет не ограничивать свободу, а в случае уклонения лица от выполнения обязанностей в рамках уголовного судопроизводства предмет залога позволяет компенсировать затраты государства на «усложнение» процедуры привлечения к уголовной ответственности (например, затраты на поиск лица, скрывшегося от следствия и суда) [5, с. 54].

Размер назначенного залога должен быть достаточным для того, чтобы подозреваемый (обвиняемый) однозначно бы выбрал надлежащее поведение, чтобы не утратить предмет залога. Законодатель устанавливает минимальные размеры в отношении стоимости залога: «При этом по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести размер залога не может быть менее пятидесяти тысяч рублей, а по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях - менее пятисот тысяч рублей», не ограничивая верхний предел от слова «совсем». Однако, здесь можно увидеть возможности для злоупотреблений, в случае назначения несоразмерного или «астрономического» залога, чтобы гарантировано лицо не смогло избежать более жесткой меры (так как в случае невозможности применения более мягкой меры пресечения следует применять более жесткую) – домашнего ареста, заключения под стражу [46, с. 276]. Следует также учитывать, что если суд придет к выводу, что назначение залога само по себе недостаточно для достижения цели применения меры пресечения, он вправе в соответствии с частью 8.1 статьи 106 УПК РФ дополнительно возложить на подозреваемого или обвиняемого обязанности по соблюдению одного или нескольких запретов, предусмотренных частью 6 статьи 105.1 УПК РФ, с приведением в своем решении мотивов, по которым он пришел к выводу о необходимости применения таких запретов [27].

Наблюдение командования воинской части представляет собой специализированную меру пресечения, регламентированную ст. 104 УПК РФ. «Наблюдение командования воинской части за подозреваемым или обвиняемым, являющимися военнослужащими или гражданами, проходящими военные сборы, состоит в принятии мер, предусмотренных уставами Вооруженных Сил Российской Федерации, а за подозреваемым или обвиняемым, являющимися гражданами, пребывающими в добровольческом формировании, - в принятии мер, установленных Порядком поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, требованиями, предъявляемыми к гражданам Российской Федерации, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, определяемыми Министерством обороны Российской Федерации (Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации), в целях обеспечения выполнения этими подозреваемым или обвиняемым обязательств, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 102 настоящего Кодекса». В период действия меры пресечения военнослужащий подвергается ряду ограничений, в том числе лишается права на увольнение в город и отпуск. Для применения данной меры необходимо получение согласия подозреваемого (обвиняемого), но в исключительных случаях оно не требуется: «В период мобилизации, в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий согласие подозреваемого, обвиняемого с избранием меры пресечения, предусмотренной частью первой настоящей статьи, не требуется».

Для лиц, занимающих командирские должности, предусмотрены обязанности, проистекающие из их статуса государственных служащих (военнослужащих), поэтому обязанности по наблюдению закреплены в различных уставах (внутренней службы, дисциплинарной, гарнизонной и караульной службы), утвержденными Указом Президента РФ [40].

Информация о выбранной мере пресечения и доклад о начале наблюдения доводятся до сведения подозреваемого или обвиняемого. Если подозреваемый или обвиняемый нарушает установленную меру пресечения, командование воинской части должно незамедлительно сообщить об этом дознавателю, следователю или суду, которые приняли это решение.

При утрате статуса военнослужащего (демобилизация, увольнение) эта мера пресечения должна быть отменена или изменена. Но при этом здесь учитывается позиция Конституционного Суда РФ, который отметил: «Согласно пункту 11 статьи 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» окончанием военной службы считается дата исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части; военнослужащий должен быть исключен из списков личного состава воинской части в день истечения срока его военной службы, за исключением, в частности, случаев, когда в отношении военнослужащего, являющегося подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, избраны меры пресечения в виде заключения под стражу с содержанием на гауптвахте или наблюдения командования воинской части» [22].

Применение меры пресечения регламентирует ст. 105 УПК РФ: «Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым состоит в обеспечении его надлежащего поведения, предусмотренного статьей 102 настоящего Кодекса, родителями, опекунами, попечителями или другими заслуживающими доверия лицами, а также должностными лицами специализированного детского учреждения, в котором он находится, о чем эти лица дают письменное обязательство». К лицам, которым несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый был отдан под присмотр, в случае невыполнения ими принятого обязательства могут быть применены меры взыскания как в отношении личного поручителя. Они предусмотрены ч. 4 ст. 103 УПК РФ.

Эта мера пресечения обладает свойствами подписки о невыезде и надлежащем поведении (в части обязательств), а также свойствами личного

поручительства (в части ответственности в виде наложения денежного взыскания на присматривающего в случае невыполнения обязательств несовершеннолетним). Кроме того, «присматривающими могут быть признаны лишь лица, которые уже несут ответственность за несовершеннолетнего вне уголовно процессуальных отношений» [37, с. 133]. В этом перечень в силу закона могут быть включены помимо родителей иные лица, осуществляющие функции опекуна или попечителя, а также должностные лица специализированных учреждений для детей [12, с. 61]. Закон не исключает, при условии получения согласия, в качестве присматривающего и иного лица, поскольку возможность присмотра и гарантии выполнения несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) требуемых обязательств обусловлены, прежде всего, наличием определенного морального авторитета у лица, которое выбрано в качестве присматривающего. Поскольку УПК РФ прямо не ограничивает круг данных лиц, то здесь, также как и при личном поручительстве уполномоченное лицо исходить из определенных критериев при выборе присматривающего, соответствие которым может обеспечить эффективность выбранной меры.

Приведем краткие выводы по второй главе исследования.

Среди мер пресечения, не связанных с ограничением свободы подозреваемого, обвиняемого, наиболее мягкой и наиболее часто применяемой является подписка о невыезде и надлежащем поведении.

Меры пресечения, не связанные с ограничением свободы, не требуют судебного разрешения, за исключением залога.

При выборе меры пресечения уполномоченное лицо (дознаватель, следователь, суд) должно выбирать наиболее мягкую меру пресечения, которая тем не менее, наиболее эффективно будет содействовать достижению цели разрешения уголовного дела.

В настоящее время в России наиболее применяема подписка о невыезде и надлежащем поведении, тогда как назначение залога, личное поручительство практически не встречаются.

Заключение

Исследование системы мер пресечения в историческом аспекте позволяет утверждать, что меры пресечения применялись на протяжении столетий (активно – начиная с 13 века), однако их перечень был весьма небольшим. В частности, наиболее активно применялась такая мера, как заключение под стражу до суда, а также поручительство, как частное (община, достойные граждане и т.п.), так и поручительство в силу закона, которое включало в себя элементы присмотра и наблюдения (поручительство приставов).

Институт мер пресечения постепенно обособился от мер наказания и в дальнейшем законодателем был включен в систему мер принуждения в целом. Меры пресечения в качестве обособленного элемента входят в систему уголовно-процессуального принуждения, соответственно, аккумулируя в себя как общие, присущие всей системе мер уголовно-процессуального принуждения признаки, так и специфическими. Система мер пресечения не является «застывшим» институтом, она постоянно совершенствуется и развивается (корректируются основания применения мер пресечения, добавляются новые виды и тому подобное).

Следует дополнить ст. 98 УПК РФ определением: «Меры пресечения - это принудительные действия, применяемые к подозреваемому, обвиняемому или подсудимому для предотвращения совершения ими преступления или действий, препятствующих производству по уголовному делу, а также для обеспечения исполнения приговора».

Общая цель для всей системы уголовно-процессуального принуждения – обеспечение надлежащего поведения определенных участников уголовного процесса и успешное решение задач уголовного судопроизводства.

Отсутствие формального закрепления цели задержания в УПК РФ представляет собой пробел, который необходимо в дальнейшем закрыть, например, включить в ст. 91 УПК РФ следующее определение: «Задержание

состоит в кратковременном лишении свободы лица, подозреваемого в совершении преступления, в целях пресечения его преступной деятельности, предотвращения побега, сокрытия или уничтожения им доказательств».

К мерам пресечения, которые не связаны прямо с ограничением свободы, следует отнести личное поручительство, залог, наблюдение командования воинской части; присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым, подписку о невыезде и запрет определенных действий.

Среди мер пресечения, не связанных с ограничением свободы подозреваемого, обвиняемого, наиболее мягкой и наиболее часто применяемой является подписка о невыезде и надлежащем поведении.

Запрет определенных действий как мера пресечения может «пересекаться» по содержанию с домашним арестом, и, соответственно, в этом случае не может относиться к мерам пресечения, не связанным с ограничением свободы. Подобное «размывание» границ между различными мерами пресечения недопустимо и требует более детального разграничения.

Меры пресечения, не связанные с ограничением свободы, не требуют судебного разрешения, за исключением залога. При выборе меры пресечения уполномоченное лицо (дознаватель, следователь, суд) должно выбирать наиболее мягкую меру пресечения, которая тем не менее, наиболее эффективно будет содействовать достижению цели разрешения уголовного дела. Решение об избрании меры пресечения должно быть мотивированным и основываться на ст. 97 и 99 УПК РФ.

В настоящее время в России наиболее применяема подписка о невыезде и надлежащем поведении, тогда как назначение залога, личное поручительство практически не встречаются.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апелляционное постановление Иркутского областного суда № 22-2871/2018 22К-2871/2018 от 19 сентября 2018 г. по делу № 22-2871/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rnHsQgVUrHrw/> (дата обращения 10.07.2025).
2. Апелляционное постановление Мурманского областного суда № 22К-1124/2018 от 24 сентября 2018 г. по делу № 22К-1124/2018 [электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DaIuJY46g4Vx/?ysclid=mfl5berv8b352828930> (дата обращения 30.06.2025).
3. Апелляционное постановление № 22К-467/2025 от 12 марта 2025 г. по делу № 3/1-31/2025 [электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LwwHjGHAg85C/?ysclid=mflglavl3n860275190> (дата обращения 24.07.2025).
4. Бадалянц Э.Ю. Личное поручительство // В сб.: Проблемы уголовной ответственности и наказания. Сб. материалов Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова. Рязань, 2025. С. 241-246.
5. Баландюк О.В. Процедура обращения залога в доход государства // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 13-1. С. 54-59.
6. Бурлакова Я. Ю. Роль института мер пресечения, не связанных с ограничением или лишением свободы, в реализации функций уголовного процесса // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 1 (10). С. 84-87.
7. Верховный Суд предложил расширить сферу применения мер пресечения, не связанных с заключением под стражу [электронный ресурс]. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/32332/ (дата обращения 30.06.2025).

8. Вершинина С.И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти. 2017. 452 с.

9. Григорьева А.Е. Некоторые вопросы применения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Вестник северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2024. № 4 (36). С. 14-18.

10. Ибрагимова З.И. Современные проблемы применения меры пресечения подписки о невыезде и надлежащем поведении. В сборнике: Инновационные подходы к правопониманию, правотворчеству и правореализации. материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2021. С. 55-58.

11. Исеев Д.Р. Система мер принуждения и порядок их применения в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа. 2009. 195 с.

12. Исмагилова К.Р. Баланс публичных и частных интересов при избрании мер пресечения в отношении несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве. В сборнике: Юридические и психолого-педагогические механизмы профилактики правонарушений несовершеннолетних: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической школы-конференции, посвященной году защитника Отечества и 80-летию Победы в Великой отечественной войне. Казань, 2025. С. 60-64.

13. Квык А.В. Запрет определенных действий: что нужно знать о новой мере пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 7. С. 34-39.

14. Кистяковский А.О. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб.: Судебный вестник, 1868. 195 с.

15. Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // СПС «КонсультантПлюс».

16. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

17. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. 137 с.

18. Кривошеков Н.В. Избрание и применение мер пресечения: недостатки правовой конструкции // В сборнике: Современные проблемы уголовного процесса: пути решения (приуроченная к 160-летию Устава уголовного судопроизводства). Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Уфа, 2024. С. 134-140.

19. Медведева И.Н. К вопросу об особенностях реализации судебного запрета на использование информационно-телекоммуникационной сети «интернет» в отношении правонарушителей в Российской Федерации и США // Право и управление. 2025. № 5. С. 129-134.

20. Нагорная М. Адвокат добился признания не обоснованной должным образом подписки о невыезде незаконной // Адвокатская газета. 2019. 10 апреля [электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilysya-priznaniya-ne-obosnovannoy-dolzhnym-obrazom-podpiski-o-nevyezde-nezakonnoy/> (дата обращения 12.07.2025).

21. Нарбикова Н.Г. Меры пресечения, связанные с ограничением свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 2005. 197 с.

22. Определение Конституционного Суда РФ от 22 января 2014 г. № 27-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лебедева Александра Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьей 102 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

23. Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2010 № 66-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Буйлова Алексея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав статьями 101 и 210 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

24. Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2017 № 475-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пичужкина

Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 104 и 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 11 статьи 38 Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе» // СПС «КонсультантПлюс».

25. Орлов А.В. Система мер пресечения в России: история становления и перспективы развития // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 5 (36). С. 85-89.

26. Постановление Зюзинского районного суда Г. Москвы об избрании меры пресечения в виде запрета определённых действий по делу № 3-14-0185_2023 от 13 октября 2023 года [электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/search/?text=%D0%B8%D0%B7%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%8B+%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F+%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%82+%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F+%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0&lr=240> (дата обращения 23.07.2025).

27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определённых действий» // СПС «КонсультантПлюс».

28. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15.12.2004 № 161 (ред. от 01.09.2025) «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов» // СПС «КонсультантПлюс».

29. Применение мер пресечения в 2024 году [электронный ресурс]. URL: <https://stat.апи-пресс.пф/stats/ug/t/13/s/14?ysclid=mf4zpj2e52289175559> (дата обращения 10.07.2025)

30. Сайт адвоката Д.О. Олешко [электронный ресурс]. URL: <https://www.advokatoleshko.ru/blog/tpost/en472sh7o1-vidi-mer-presecheniya-podpiska-o-neviezd?ysclid=mfb6va90as109200885> (дата обращения 11.08.2025).

31. Свод законов Российской империи. Т. 15. СПб., 1832. URL: [https://commons.wikimedia.org/w/index.php?title=File%3A%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B4_%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B8._%D0%A2%D0%BE%D0%BC_XV_\(1832\).pdf&page=558](https://commons.wikimedia.org/w/index.php?title=File%3A%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B4_%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B8._%D0%A2%D0%BE%D0%BC_XV_(1832).pdf&page=558) (дата обращения 30.07.2025).

32. Симагина Н.А. Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании: учеб. пособие / Н.А. Симагина. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2021. 180 с.

33. Строгович М.С. Курс советского уголовного права в 2-х томах. Том 1. М. : Наука, 1968. 471 с.

34. Ткачёва Н.В. Принцип справедливости при реализации прав потерпевшего (исторический аспект) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 18 (90). С. 73-77.

35. Трунов И.Л., Айвар Л.К. Применение мер пресечения в уголовном судопроизводстве: практ. пособие. М. 2007. 640 с.

36. Трунова Л.К. Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2002. 419 с.

37. Тучина О.А. Меры пресечения, не связанные с изоляцией от общества, избираемые несовершеннолетним: понятие, сущность, система // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4 (92). С. 132-139.

38. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

39. Уголовный процесс: учеб. для вузов / под ред. А.В. Смирнова. СПб., 2025. 784 с.

40. Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 24.06.2025) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

41. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/?ysclid=mf5d065d6x511981670> (дата обращения 21.07.2025).

42. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» от 18.04.2018 № 72-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

43. Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2009 № 383-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

44. Фетищева Л.В. Исторические предпосылки для формирования в отечественном уголовно-процессуальном праве сословного института мер пресечения // Юридический вестник СамГУ. 2015. Т. 1. № 3. С. 151-157.

45. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I. Изд. 4-е. С-Пб. : Типография т-ва «Общественная Польза», 1912. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/kurs_ugolovnogo_sudoproizvodstva_tom_i/ (дата обращения 23.08.2025).

46. Царева Ю.В., Царева О.А. Ретроспективное видение залога // В сборнике: Альманах № 5. Сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции Нижегородской научной школы процессуалистов. 2022. С. 276-280.

47. Цоколова О.И. Меры пресечения: проблемы и тенденции (2019-2022 годы) // Российский следователь. 2020. № 6. С. 26-31.

48. Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Ч. 2 / Л.В. Черепнин; Академия наук СССР, Институт истории. Москва; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1951. 427 с.